

*Александр Кравецкий***Церковнославянский язык XVIII–XXI вв. как контактная зона¹**

Abstract. The article analyzes the characteristics of the coexistence of the Church Slavonic and Russian literary languages in the Russian culture of the 20th and 21st centuries. On the one hand, the Church Slavonic language is perceived as a universal language of prayer, which results in the creation of prayers in this language not only by Christians but also by Neo-pagans. On the other hand, the Russian literary language influences both the semantics of the Church Slavonic texts and their formal structure.

Key words: history of standard Russian, Church Slavonic, historical semantics, language contacts, punctuation.

I

Эта статья посвящена некоторым особенностям бытования церковнославянского языка в современной России, смыслом, порождаемым при взаимодействии церковнославянских и русских текстов, ошибках и той языковой игре, которая возникает в результате контактов и взаимных влияний церковнославянского и русского языка. Процесс подобного языкового взаимодействия можно описывать как из перспективы церковнославянского, так и из перспективы русского литературного языка. Соответственно, в первом случае мы будем говорить о русификации, а во втором о славянизации.

Вне всякого сомнения, в русской письменности Нового и Новейшего времени существует огромное количество разного рода гибридных текстов. Причины появления таких текстов достаточно разнообразны. Чаще всего славянизация русских текстов бывает связана с тем, что славянизмы воспринимаются как маркеры высокого стиля. Но это причина далеко не единственная. Так, например, русское языковое сознание воспринимает церковнославянский как универсальный язык молитвы, причем не только христианской. В Интернете можно найти значительное количество неоязыческих молитв, авторы которых ориентируются на церковнославянский язык. Приведем лишь несколько примеров:

Перуне! Вми призывающим Тя! Славен и Триславен буди! Благости Сварги и Мира всей Свята Расе дажди, и пробуждения Духа, чадам, Перуне яви! Род прославляша, прави над всеми, сгинула дабы Духовная темень. Тако бысть, тако еси, тако буди! Слава!

Слава Трижды Святоликому, животворящему Великому Триглаву Мира Яви – Сварогу, Световиту, Перуну, кои есмь – Совесть, свет и Свобода всех Родов Расы Великой и потомков Рода Небесного! Тако же наша Отцы начинали, Великую Славу Ему воспевали, и вспоминаша о Сечах и Бранях, со ворогом лютым из мрака изшедшим. Тако же и мы Великую Славу речём, ныне и присно и от Круга до Круга! Тако бысть, тако еси, тако буди!

Великий наш Род – Прародитель! Внемли призывающим Тя! Славен и Триславен буди! Ибо Ты есть Вечный Источник жизни Богов наша и Родов наша, и посему Велику Славу для Тя воспеваем, и денно и ночью Ты – Прославляем, ныне и присно и от Круга до Круга! Тако бысть, тако еси, тако буди!

Бозе Коляда! Славен и Триславен буди! Благодарим Тя, за благодатну помощь Родам наша! И да буди Ты заступой во всех деяниях наша, ныне и присно и от Круга до Круга! Тако бысть, тако еси, тако буди!

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 13-04-00223/14.

Такого рода тексты свидетельствуют о том, что далекие от церкви люди воспринимают церковнославянский язык как функциональный стиль русского языка, предназначенный для молитвы. Любой молитвы, в том числе нехристианской и даже антихристианской. Описание функционирования церковнославянских клише в антихристианских молитвенных текстах – дело будущего. Здесь же мне бы хотелось обратиться к случаям влияния русского литературного языка на семантику языка церковнославянского.

II

Существующие учебники церковнославянского языка содержат описания грамматики, но не рассматривают семантический аспект. Поэтому носитель русского языка, столкнувшись с церковнославянским текстом, исходит из предположения, что во всех случаях, не оговоренных учебными пособиями, значение русского и церковнославянского слова совпадает. «Подсказка» русского языка коварна и достаточно часто вводит в заблуждение. Отсюда уже ставшие классическими церковные анекдоты¹ про восприятие чтения из Послания апостола Тимофею: «Гоні же прѣдѹ, благочѣстїе, вѣрѹ, любовь, терпѣніе, крѣпость» (1 Тим. 6.11). Одним из значений церковнославянского глагола *гнати* является ‘следовать’, и, соответственно, апостол Павел призывает *следовать правде, благочестию, вере и любви*, а не гнать их, хотя русский язык подсказывает последний вариант. Проблема церковнославянско-русских паронимов осознана, и в 2005 году вышло первое издание словаря церковнославянско-русских паронимов, составленного О. А. Седаковой [Седакова 2005].

Куда более интересными кажутся случаи, когда подобное влияние обнаруживается в богослужебных последованиях святым XX века. Эти тексты ни в коем случае нельзя рассматривать как образцы наивного письма. Это вполне профессиональное литературное творчество, поэтому случаи прямого влияния русского языка на значение отдельных слов и метафор нельзя объяснить недостаточным владением авторов церковнославянским языком. В качестве примера рассмотрим вполне традиционное наименование *красное прозябение* и его использование в службах, созданных в XX–XXI веках². В Общей службе одному российскому священномученику читаем: *босѹба́лимъ... правосла́вїѧ побѣ́рника ѿ бл҃гочѣстїѧ ревнї́теля, земли́ рꙋсскїѧ кра́сное прозябѣ́ніе* [Минея 2011: 35]. Этот образ вполне традиционен и встречается во многих переводных минейных текстах, например в службе мученику Елевферию, еп. Иллирийскому: *процвѣ́тъ, прозя́бля ꙗ́ко іа́ко кра́сенъ мꙋ́чений свѣ́тлостыи, мꙋ́ченикъвъ до́брото, ѿ ны́нѣ*

¹ Церковные анекдоты, обыгрывающие различные типы непонимания богослужебных текстов, см. в [Ардов 1995: 123–136].

² Служебная минея – книга, которая в наибольшей степени принимает тексты Нового времени. Об общих проблемах текстологии и поэтики славянских служебных миней в XIX–XXI вв. см. [Кравецкий, Плетнева 2013].

ра̀а цвѣтѣи ꙗ́вѣстесѧ, вѣ́твенно благово́нїе испѹща́юще вѣ́твеннѣ [Миния 1893: декабрь, 272]. Однако в текстах, написанных в конце XX – начале XXI века, в подобных случаях для слова *красный* актуализуется не общее значение ‘красивый, прекрасный’ (καλός, ὡραῖος), а русское значение ‘красный цвет’. В контексте мученичества, свидетельства веры пролитием собственной крови, слово *красный* воспринимается именно в этом значении. Эпитет *красный* мы встречаем уже в самом первом тексте, посвященном новомученикам, пострадавшим от рук большевиков. Речь идет о тропарях, вошедших в редакцию «Службы всем святым в земле Российской просиявшим» 1918 года: ꙗ́коже пло́дъ крѣ́сный твоегò спасі́тельнаго і́а́ннѧ, землѧ́ ро́ссїйская́ прино́ситъ тѣ́и, гдѣ́и, всѧ́ стѣ́нѧ, въ то́й проі́а́вшыѧ, тѣ́хъ мѣ́твами въ мі́рѣ́ глѹбо́цѣ́ цр҃ковѣ́ ѿ́ странѹ́ на́шѹ́ вѣ́рою соблюди́, многоми́лостивѣ́ [Служба 1930: 7].

Очевидно, тут наблюдается игра слов, ощущаемая на стыке славянского и русского значения слова *красный*. *Красное прозябение* – с одной стороны, ‘красивое, прекрасное произрастание’, с другой – нельзя избавиться от ассоциации с русским: *красный* – *цвет крови*, следовательно, *красное прозябение* – это и ‘произрастание на пролитой крови’. То есть в службах святым Нового времени присутствуют оба этих смысла. Один, диктуемый традиционными контекстами, другой – русским языком. Это факт современного языкового сознания, и говорить здесь об ошибке понимания не совсем корректно. В текстах, написанных на русском литературном языке, при цитировании церковнославянских формул со словом *красный* значение ‘цвет крови’ также актуализуется. Классическим примером здесь может служить название книги (и многочисленных публикаций в СМИ) «Пасха красная» [Павлова 2008]. Эта книга посвящена убийству оптинских монахов Василия, Трофима и Ферапонта, которое произошло на Пасху 1991 года. Понятно, что это выражение заимствовано из Пасхального канона Иоанна Дамаскина: па́сха крѣ́снаѧ, па́сха, гдѣ́и па́сха, па́сха вѣ́снѣстнаѧ́ на́мъ возсі́ѧ. па́сха, ра́достію́ дрѹ́гъ дрѹ́га ѡ́бѣ́мемъ. ѿ́ па́сха! [Триодь цветная 1992: 8].

Еще один пример связан с употреблением в богослужебных текстах текстах XX–XXI вв. слова *братоубийство*. Если в гимнографических текстах прежнего времени братоубийство воспринималось как несмыываемый грех и соотносилось с грехом Каина, убившего брата Авеля, или с грехом Святополка, убившего своих братьев Бориса и Глеба, то в современных текстах ситуация иная. Братоубийство времен Гражданской войны – национальная беда, но это слово не обязывает однозначно делить мир на врагов и праведников. Подобное восприятие Гражданской войны, при котором значима не правота одной из сторон, а жестокость и бессмысленность братоубийства восходит к светской культуре. Сначала эта тема появилась в эмигрантской литературе. Хрестоматийным примером является известное стихотворение Цветаевой 1920 года:

Все рядком лежат
Не развестъ межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?
Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красный был – белый стал:
Смерть побелила [Цветаева 1971: 73].

С конца 80-х годов эту тему стала развивать и советская литература, что повлияло и на литургическую поэзию. В результате братоубийство перестает восприниматься как Каинова печать, и за тех, кто убивал соотечественников, стало возможно молиться: да *радѣтсѧ землѧ москѡвскѧ, прославляѡщи вѣгомѡдраго сѣи́телѧ владѣмѣра, тѡи бо во дни рѧспрей ѿ нестроѣнѣи ... ѡ согрѣшѣвшихъ братѡубѣйствѡмъ ходѧтай бывъ* [Миния 2008: 256]. Характерно, что *братоубийство* и *междоусобная брань* в новых службах рассматриваются как случаи Божьего пощужения: *попѣстѣи гдѣ братѡубѣйствѣ ѿ междѡсѡбнымъ бранемъ въ зѣмли руссѣйскѣи быти* [МД 2008: 45].

Иначе в новых службах устроена и этимологизация имен собственных. Сам по себе прием этимологизации, то есть указания на то, что прославляемый святой в той или иной степени своей христианской жизнью реализует внутренний смысл своего имени, широко распространен в гимнографической поэзии. Однако во всех известных нам случаях игры с этимологией производятся на греческом материале, а не на славянском. Например, Евфимий Великий (1 апреля) назван соименником благодущия: *пострѣкаѣмъ вѣчнѡю любѡвѣю, ѡста́вилъ єси всѧ дѡльнѧ, ѿ томѣ послѣдовалъ єси, на рѧмо ѿго лѣгкое взѣмъ мѡжеи, благодѣшѧ тезѡименѣте* (Εὐθύμιος – благодущный) [Миния 1893: апрель, 23]. В разных службах обыгрывается имя Феодор (Θεόδωρος – богоданный): *свѣтѣльниче свѣтозѧрне, вѣжѣ дѧра тезѡименѣте, вѣсѣ́нное свѣтѣло, невечѣрнѧ зарѧ, добродѣтелей мѡрополо́жниче ѿ непреклѡненъ стѡлпъ мона́шествоѡщихъ, стѧдо твоѡ ѿзбѧви моли́твами твоѣми ѿ всѧкѣи скѡрби* (20 апреля, св. Федор Трихин) [Миния 1893: апрель, 175]; *дарѡвъ вѣжѣтвенныхъ тезѡименѣтъ, ѿ тайнникъ хрѣтѡвъ, по́стникѡвъ добрѡта, свѧщенникѡвъ красѡта, чѡдѣсѧ исѣѡчникъ, честнѧ мѡрополо́жница дѧ, ны́нѣ да восхвѧлитсѧ дѡдѡръ вели́кий* (Феодор Сикеот, 22 апреля) [Миния 1893: апрель, 194]. В новых службах подобная этимологизация начинается на основе звучания славянского варианта имени. Так, патриарх Тихон назван *претихим*: *патрѣ́рше прѣтѣ́хий ѿ прѣдѡбрыи* [МД 2008: 43]. Мы видим, что здесь обыгрывается фонетическое сходство имени *Тихон*

и прилагательного *тихий*. И это при том, что в случае со святителем Тихоном обыгрывание греческого значение имени было бы вполне возможным, поскольку греч. Τύχη – ‘судьба, случай’ хорошо соотносится со жребием, при помощи которого был осуществлен выбор патриарха. Как известно, в урну положили три бюллетеня с именами кандидатов, после чего старейший член Собора старец Зосимовой пустыни Алексей (Соловьев) вынул записку, на которой было написано имя будущего патриарха. В Службе святителю Тихону этому посвящен отдельный тропарь: ꙗ҃ко҃ ѿ҃стыннѡжѣтель старецъ, прѣдъ ѡбразомъ вѣщцы о҃у҃сердно мола҃сѧ, жребїи҃ со трѣпетомъ ѡзъ ковчѣжца ѡзвлекѣ, на немже ѡма твоѣ ѡакѡ вѣомъ ѡзбраннагѡ первосѣтитѧ начертано вѣ [МД 2008: 42]. Но обыгрывания имени мы здесь не обнаруживаем.

III

Еще одной зоной влияния русского языка на церковнославянский является пунктуация. Во второй половине XIX в. периодически высказывались предложения приблизить пунктуацию церковных книг к нормам гражданского правописания. В своей программе исправления богослужебных книг [Плетнева 2002] епископ Августин (Гуляницкий) писал о необходимости «правильно расставить знаки препинания», причем под «правильностью» он понимал следование правилам русской пунктуации: «О великой важности этого дела для правильного чтения и надлежащего уразумения читаемого, думаем, нечего говорить много: это само собой понятно всякому истинно грамотному человеку. А что в тексте богослужебных книг наших (равно как и греческих) знаки препинания расставлены далеко не везде правильно, – в этом легко убедиться, прочитав две-три страницы из любой такой книги» [Августин 1885: 101]. Из этого высказывания следует, что епископ Августин исходит из того, что церковнославянская пунктуация устроена точно так же, как и русская. Между тем это не так. Основной функцией церковнославянской пунктуации является указание на то, где чтец должен сделать паузу. Согласно грамматике Смотрицкого 1619 г. «полагаетсѧ запятѧ ѡдохомъ в мѧлѣ гл҃емое востѡгѧющее ѡ препинѧющѧ» [Грамматики... 2000: 153]. На эту функцию знаков препинания указывает и внутренняя форма этого слова. Современная русская пунктуация устроена иначе и ориентирована на выделение логической структуры предложения. Эта система формировалась в течение XVIII века [Осипов 2010: 248–251] и зафиксирована в многочисленных описаниях, в том числе в школьных учебниках. В результате обучения в школе дети довольно быстро стали воспринимать пунктуационную систему русского языка как единственно возможную, что неизбежно вело к ее влиянию на церковнославянскую. Церковнославянская пунктуация стала восприниматься как «испорченная русская». В церковнославянских грамматиках разделы про пунктуацию обычно констатируют, что «в нынешних церковно-библейских и церковно-богослужебных книгах место и начертательная форма знаков

препинания большею частью подчинены требованиям нашей орфографии» [Классовский 1857: 102], а затем сообщают, что вместо знака вопроса употребляется точка с запятой и т. п. Таким образом, приведенная выше позиция еп. Августина оказывается характерной для образованного человека.

Предпринимались и практические опыты введения в церковнославянские тесты русской пунктуации. Приблизить церковнославянскую пунктуацию к русской стремились члены синодальной Комиссии по исправлению богослужебных книг. В Триодях, исправленных в начале XX века, и т. д. [Кравецкий, Плетнева 2001: 109–110]. Наконец в церковнославянских изданиях, набранных гражданской кириллицей, правила постановки знаков препинания оказываются практически неотличимыми от соответствующих правил русской пунктуации.

Таким образом, для современной русской культуры можно говорить о сосуществовании и взаимном влиянии церковнославянского и русского страта. Конечно же, значимость этих стратов несопоставима. И влияние русского языка на церковнославянский неизмеримо больше, чем церковнославянского на русский. Контакты этих двух языковых стратов оказываются почвой для литературной игры и для ошибок.

Список литературы

1. Еп. Авг<устин (А. Ф. Гуляницкий)>. По поводу издания «Учебного Октоиха» и «Учебного Часослова» / Еп. А. Ф. Гуляницкий // Труды Киевской духовной академии. 1885. № 11. С. 75–103.
2. Ардов, М. Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни / М. Ардов. М., 1995.
3. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / сост. Е. А. Кузьмина. М., 2000.
4. Классовский, В. И. Краткая грамматика славяно-церковного языка периода печатных (в России) книг / В. И. Классовский. Санкт-Петербург, 1857.
5. Кравецкий, А. Г., Плетнева, А. А. История церковнославянского языка в России (XIX–XX вв.) / А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева. М., 2001.
6. Кравецкий, А. Г., Плетнева, А. А. Минейные службы Нового времени: история, поэтика, семантика / А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева // Миней: образец гимнографической литературы и средство формирования мировоззрения православных. Olsztyn, 2013. С. 15–90.
7. Минейная дополнительная. М., 2008
8. Минейная общая новомученикам и исповедникам Российским. М., 2011.
9. Миния. Киев, 1893. (Репринт: М., 1996–1997.)
10. Осипов, Б. И. Судьбы русского письма. История русской графики, орфографии и пунктуации / Б. И. Осипов. М.; Омск, 2010.
11. Плетнева, А. А. Епископ Августин Гуляницкий и проблема новых переводов с греческого на церковнославянский язык во второй половине XIX в. / А. А. Плетнева // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. <2001>. М., 2002.
12. Седакова, О. А. Церковнославяно-русские паронимы: материалы к словарю / О. А. Седакова. М., 2005.
13. Служба всем святым в земле Российской просиявшим. Париж, 1930.
14. Триодь цветная. М., 1992.
15. Цветаева, М. Лебединый стан. Перекоп / М. Цветаева. Париж, 1971.